

Мейер Мелер

Рига, Латвия

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ КАК КАНТОР (ПО МАТЕРИАЛАМ РИЖСКОЙ ПРЕССЫ 30-х гг. И ЕГО МЕМУАРАМ)

Михаил Александрович родился 23 июля 1914 г. в селе Бержи Люцинского уезда Витебской губернии (ныне Берзпилс, Балвский край, Латвия). Его отец Давид Бенцион бен Лейб Александрович был музыкантом-самоучкой, но его отец и дядя забрали у него скрипку, считая занятие музыкой верхом богохульства. Однако свою мечту Давид Александрович стремился воплотить в детях. Старшие не подавали надежд, но у четырехлетнего Миши были все данные: слух, музыкальная память, хороший голос и желание петь. Отец не только разучивал с Мишей песенки, но и водил его в молельню. Сам М. Александрович пишет: «Я жадно вслушивался в звучащие там старинные мелодии. Влияние на меня синагогальных песнопений было огромным. Подражая канторской манере исполнения еврейских религиозных напевов, я научился вибрировать голосом, имитируя рыдания»¹.

Во имя будущего Миши вся семья в 1921 г. переехала в Ригу, мать Миши ликвидировала все свои дела в Бержах и открыла в Риге у вокзала ресторан, чтобы прокормить семью.

Газета «Батог» («Пополудни») в 1933 г. писала, что 10 лет назад группа людей, заинтересованных в судьбе молодого певца-вундеркинда, ничем не смогла ему помочь. Маленький мальчик сам стал давать концерты, которые должны были дать ему средства для дальнейшего образования и музыкального развития. В Еврейской народной консерватории² Е. Вайсбейн и С. Зегор помогли Мише стать вундеркиндом — таким, какого не было со времен Иоганна Себастьяна Баха.

Газета «Сегодня» 13 января 1924 г. анонсирует предстоящий 15 января концерт Миши Александровича в Риге, 26 января и 22 февраля — в Двинске. Рассказывали, что отец брал извозчика и возил Мишу по местечкам. Потом были концерты в Эстонии, в Литве, весь 1925 г. — в Польше и Германии. При попытке въехать в США его не пустили в страну и через восемь недель отправил обратно на том же пароходе.

Юного певца повсюду принимали с восторгом, билеты распродавались быстро. Как писала «Батог» (30 июня 1933 г.), Миша «своим голосом, очарованием обеспечивал гарантированный сбор». Семья не знала финансовых забот. Сбылись «фантазии» отца. Но когда Мише исполнилось 12 лет (1926 г.), у него началась мутация голоса и пение пришлось прекратить. В это же время мать лишилась ресторана, и семья из семи человек осталась без средств к существованию и впала в полную нищету. Никто из прежних поклонников и спонсоров еврейской общины ничего не сделал, чтобы помочь им пережить трудное время. Лавочки отказывали в кредите, домовладелец грозил выселить из квартиры. Дети получали на завтрак кусок хлеба, посыпанный сахаром, или яблоко. Отец впал в депрессию,

связал полотенца и повесился. Его спасла только интуиция жены, которая вышла из дома, чтобы где-то занять денег, но вдруг вернулась и, схватив кухонный нож, перерезала эти полотенца.

Так у Миши кончилось детство. Через некоторое время юноша почувствовал, что опять может петь. Решил, что у него теперь баритон, достал ноты и стал упражняться. За этим занятием его застал отец. Он отвел мальчика к дирижеру, композитору и педагогу Эфраиму Шкляру³. Тот сказал «рано» и, узнав, что Миша нигде не занимается музыкой, отправил его к пианистке и педагогу Рее Ратнер⁴. Это было в апреле 1932 г. В то же самое время отцу Миши пришла в голову идея, что сын должен быть кантором. Хочешь не хочешь, но пришлось уступить отцу, и он стал заниматься со своим бывшим аккомпаниатором Сигизмундом Зегором. Кроме того, он стал прослушивать пластинки с канторским пением. Гастролировать он еще не мог, но семья очень нуждалась в его заработках. С. Зегор и Р. Ратнер подготовили его к концертам.

Газета «Овнт-пост» («Вечерняя почта») 19 января 1933 г. писала: «Сегодня *Майерев* [вечерняя молитва] — концерт Миши Александровича в 16 часов вечера в Старо-Новой синагоге на Московской. Сегодня он совместно с хором из Пейтавской синагоги под руководством Х. Вайсбейна будет петь композиции Розовского, Вайнтроуба, Разумного, Зулцера и др.». Газета отмечала, что молодой кантор обладает приятным, сладким лирическим тенором, что у Александровича очень честный подход к молитве: он не допускает преувеличений, остается в рамках своей школы. Когда он поет молитвы в композициях Разумного и Розовского, то держит марку наших лучших канторов. После вечерней молитвы началась программа, составленная из композиций Разумного, Розовского, Полякова, Вайнтроуба, которая была исполнена с большой сердечностью и теплотой. Хор под руководством Х. Вайсбейна очень украсил выступление дебютанта. Однако газета предупреждает молодого певца, чтобы он не злоупотреблял выступлени-

«Я помню...» Книга воспоминаний Михаила Александровича (М., 1992). Обложка

Миша Александрович после концерта в Доме Черноголовых в Риге. 5 ноября 1923 года

באטאג

דער זינגער זיי מישא אלעקסאנדראוויטש

זייטן מיטער קריטיקער געדאררט.

זעט דעם וואונדערקלער מישא אלעקסאנדראוויטש זיי די אמאל אין איצט, דער גרויסער באפעסלער, זיי אלעקסאנדראוויטש אין דער גרויסער כ' רישא.

דעמאלס האט זיך געארמט שאפן א גרויסע תעלם זאל זיך פארזאמלענדיקן מיטן גורל און וואונדערקלער לייזער אין פון דעם גארנישט גיט צוריקגעפונען. דער קלויז אינגעלע האט אנגע-
 תויבן אליין צו געבן פאנצערס, תעלם האבן גע-
 דארפט שאפן פאר אים א געלט. פאגן, כדי ער
 זאל קענען זיך מוזיקאליש אנצושליסן און וואקסן
 צום בארויערן זיינע אויך די פלענער געבליבן און
 געט הלמות. דער וואונדערקלער אין געזאמלן
 אפ גאנצם באראט. עס זיינען געווען ספקות, צו
 זען מישא אלעקסאנדראוויטש בלייבן בוי זיין
 שטימ, צו זען ער בלייבן א וואונדער אויך גרוי-
 טערהייט. הייל עס אין קיין גיט, און וואני
 דערקיינער גארן אפס אפ, צום גלוט אין מישא
 אלעקסאנדראוויטש געבליבן דער זעלבער וואני
 דערקיינער, זיך געווען, זיין יונג שפוטלעך תעלם
 צו האט פארשאפט קינדוויי, מיט
 אויפיל פינגליש, אויפיל סתוקות, אויב
 מיל גשמית, אין פארזאמלעט זע
 ווארן איצט אין א פרעמקוין לויטש מענצער

מישא אלעקסאנדראוויטש

Публикация о Михаиле Александровиче в рижской газете «Батог». 25 января 1933 г.

телей канторского пения и вокала вообще и даст возможность юному певцу поехать в Италию для совершенствования своего музыкального образования. «Мы уверены, — пишет газета, — что народ в большом количестве придет в синагогу слушать Мишу Александровича — чудо канторского пения».

Газета «Фриморгн» («Утренняя») 30 января 1933 г. пишет: «Последнее выступление бывшего вундеркинда и будущего вундер-кантора Миши Александровича еще

היינט קאנצערט פון מישא אלעקסאנדראוויטש

זייטן אין ארדישן פאלקסהויז.

מישא אלעקסאנדראוויטש פון סען הערן; אפ
 דער וואונדערקלער, האט ער זיך געווען א פליי-
 גער באזוכערס זיינע וואונדער מיט זיין שיי-
 גער שטימ, מיט זיין זיינעם זינגען, זיין דערשאלג
 תעלם שטענדיק זיין א געוויסערער. און גאנץ
 קאנצערט פלעגט מען דעם קלינגען זינגער, זעל-
 בער פלעגט לאזן אפ אלעמען א גרויסן אויב
 ברוב, אומגעפערטאן און די הענט פון דער פאני-
 צערס. א געמאדערט סאיון ביי קיינעם פון זיינע
 פארטער קיין סען גיט געווען, און פון דעם
 וואונדערקלער האט ער א גרויסער וואונדערקלער
 זינגער אין זיין קליינער קינסלעךער שטוב
 האט זיך געשולט, און עס האקסט פון דעם קליי-
 געם מישא א גרויסער קינסלעךער. מישא אלעקס
 אנדראוויטש אין זיין ארומגעגענגען ליידיש, ער
 האט די גאנצע צייט זיך געלערנט, זיך פארמישט
 און דער מוזיק, האט סאיון ביי אים געזען א
 צוריסער לעבן. איצט אין מישא אלעקסאנדראוויטש

Публикация о Михаиле Александровиче в рижской газете «Батог». 30 июня 1933 г.

ями, а занимался дальнейшим совершенствованием.

Газета «Батог» 25 января 1933 г., комментируя состоявшийся концерт, пишет: «Миша Александрович остался тем же чудом природы, как десяток лет назад. Это уже видят сегодня все, кто слышал его в Старо-Новой синагоге. М. Герц⁵ совершенно справедливо увенчал его прозвищем “рижский хозяйчик”⁶⁷». Газета отмечает, что образовалась новая группа людей, желающих обеспечить дальнейшее музыкальное образование юного чудотворца. По решению этой группы, Миша Александрович для этой цели будет в эту пятницу и субботу молиться в Большой хоральной синагоге. Это будет событие для всех любителей канторского пения и вокала вообще и даст возможность юному певцу поехать в Италию для совершенствования своего музыкального образования. «Мы уверены, — пишет газета, — что народ в большом количестве придет в синагогу слушать Мишу Александровича — чудо канторского пения».

Газета «Фриморгн» («Утренняя») 30 января 1933 г. пишет: «Последнее выступление бывшего вундеркинда и будущего вундер-кантора Миши Александровича еще раз показало, что мы не ошиблись в своих оценках его пения. Его бархатный, мягкий и сладкий тенор в Большой хоральной синагоге звучал чисто, прозрачно. В его выступлении мы почувствовали его музыкальную душу, которой он захватывает слушателей. Первый концерт был *Майерес*, теперь *Кабалат-Шабат* Разумного, аранжированный дирижером Зегером. Все вещи исполнялись очень сердечно, с захватывающим пением и канторским речита-

тивом. Хорошая акустика синагоги, хор под управлением Зегора создавали надежную базу для молодого кантора».

Но Миша Александрович продолжает давать концерты. В своих светских концертах он отводит место и канторскому пению. Выступает один или с Марой Житловской⁷.

Газета «Батог» за 30 июня 1933 г.: «Сегодня концерт Миши Александровича в Еврейском доме. Мишу Александровича надо слышать!»

Двинск, 1 июля 1933 г.: «Светско-духовный концерт Миши Александровича в Железнодорожном театре. У рояля С. Зегор. Билеты — 2.50».

Анонс концерта Михаила Александровича в рижской газете «Батог». 30 июня 1933 г.

Завтра — концерт Мары Житловской и Миши Александровича.

Оба участника завтрашнего свѣтско - религиознаго концерта въ залѣ консерваторіи Мара Житловская и Миша Александровичъ — старые знакомцы рижской публики.

Мара Житловская, уроженка Риги, 3 года училась въ Вѣнѣ у проф. Артура Вольфа. Она выступала уже въ течение нѣсколькихъ мѣсяцевъ на оперной сценѣ въ Прессбургѣ. Послѣ концерта Мара Житловская снова уѣзжаетъ въ Вѣну для дальнѣйшаго совершенствованія, съ Рождества она опять будетъ выступать въ прессбургской оперѣ. Съ Марой Житловской рижская публика хорошо знакома и по ея выступленіямъ въ Еврейскомъ театрѣ, гдѣ она играла въ течение 3 сезоновъ при Маревскомъ, Штейнѣ и Рубинѣ. И тамъ она обращала на себя вниманіе своимъ вокальнымъ дарованіемъ. Прошлогдній концертъ Мары Житловской въ Ригѣ имѣлъ большой успѣхъ.

Мишу Александровича въ Ригѣ еще помнятъ какъ „вундеркинда“. Концерты Миши Александровича привлекали къ себѣ общее вниманіе, причемъ указывалось, что ему слѣдовало-бы прервать публичныя выступленія, чтобы систематически заняться обработкой и укрѣпленіемъ врожденныхъ голосовыхъ средствъ. Миша Александровичъ такъ и поступилъ. Одно время, пока у него мѣнялся голосъ, онъ занимался только музыкой, а затѣмъ сталъ совершенствоваться въ пѣніи у Реи Рагнеръ. Теперь онъ поетъ лирическимъ теноромъ. Въ прошломъ году

Миша Александровичъ дважды выступалъ въ Большой Хоральной синагогѣ и далъ два концерта, прошедшихъ съ крупнымъ успѣхомъ. Во время завтрашняго концерта Мара Житловская исполнитъ арию изъ оперы Верди Пуччини, еврейскія пѣсни Роскина, Энгеля. Миша Александровичъ выступитъ съ религиозными пѣснопѣвными кантора Новиковскаго, впервые исполняемыми въ Ригѣ (подъ аккомпаниментъ на скрипкѣ и роялѣ братьевъ М. и П. Абрамисъ), въ свѣтской части концерта онъ исполнитъ арию Ленскаго изъ „Евгенія Овѣгина“, Альмавивы изъ „Севильскаго цирюльника“, арию изъ оперы „Марта“ Флотова и др.

Миша Александровичъ. Мара Житловская.

Анонс концерта Михаила Александровича и Мары Житловской в рижской газете «Сегодня вечером». 30 октября 1933 г.

Анонс концерта Михаила Александровича и Мары Житловской в рижской газете «Овнт-пост». 31 октября 1933 г.

Газета «Овнт-пост» (ноябрь 1933 г.) о вечере песен Миши Александровича и Мары Житловской: «Миша Александрович в начале был значительно слабее, чем в конце программы. Сначала исполнялась технически сложная ария Ленского из «Евгения Онегина». Технику колоратуры Александрович показал в «Севильском цирюльнике» и «Баркароле» Гуно. В канторском отделении Миша Александрович исполнял трудные молитвы Новаковского и Вайнтроуба. *Шахрим* [утренняя молитва], которую сопровождал на скрипке Израэль Абрамис⁸, получилась очень лиричной и сердечной, что является общей особенностью юного певца. Уроляя — Яков Абрамис⁹».

7 ноября 1933 г. Миша Александрович проводит дешевый народный концерт в Еврейском Народном доме на ул. Езусбазницас. Билеты от 30 сантимов. Это последний концерт — после окончания гимназии Миша поедет в Италию.

«Фриморгн» 29 ноября 1933 г.: «*Майерев*-концерт Миши Александровича в Большой хоральной синагоге 17 декабря... После богослужения будет концерт. Этот концерт даст ему возможность закончить свое музыкальное образование».

Но в Италию Миша поедет позже. Летом 1934 г., когда он оканчивал гимназию и консерваторию, в Ригу приехал коммерсант Маркус Лутц. Он был членом правления главной синагоги Манчестера, которое искало кантора. Он увез Мишу в Манчестер. Там было 120 канторов со всего мира. Мише было всего 20 лет. Он пропел пятницу и субботу, а в воскресенье собралось правление синагоги. Несмотря на возражения («ведь можно взять сформировавшегося кантора, а он еще ребенок, ему еще мама нужна; у него очень приятный голос, но нет

еврейского надрыва, нет стенаний, нет слез»), один из членов правления сказал, что г-н Александрович имеет «все данные, чтобы стать старше. Что касается еврейских слез и стенаний, то ведь он еще молод и холост. Вот мы его здесь женим, и тогда появятся и стенания, и слезы»¹⁰. Был заключен контракт на пять лет.

Миша стал работать над собой, учась по граммофонным пластинкам у хороших канторов Розенблата, Гершмана, Квартина, подражая им, но подбирая для себя то, что ближе его голосу. Голос у него был еще маленький, неразвитый, но он обладал природной колоратурой, без которой не может быть настоящего канторского пения. Было чувство. Учась у корифеев того времени по пластинкам, он исполнял отдельные вещи не хуже их, а кое-что, ввиду природных данных, даже лучше. Через год Миша уже был профессиональным кантором, и английская пресса назвала его самым молодым обер-кантором. К сожалению, в Англии ему не у кого было учиться, но в Лондоне его случайно представили Тито Скипа, одному из са-

Концерт Миши Александровича.

Двадцать пять тому назад на эстраде стоял восьмилетний мальчик — худой, изнуренный с печальными глазами и с таким феноменальным альтом, что если бы этому голосу дали возможность естественно развиваться под наблюдением хорошаго преподавателя, без переутомления, без концертных турне — из этого феноменального алта должен был получиться выдающийся тенор.

Вчера на эстраде — юноша в безукоризненном фраке, с теми же печальными глазами, но уже с не по лбтам округлой фигурой, певец, на которого канторство уже наложило неизгладимую печать. Голос —

лирической тенор красиваго тембра с блестящей, широкой серединой, с чуть сухими верхами.

Интерпретация — своеобразная для светскаго репертуара, но исключительная для канторских пьесопений. Что бы ни пелъ Александрович — латышскія ли пьси или оперныя арии — все онь поетъ въ произвольныхъ темпахъ, съ канторскимъ надрывомъ, затянными портамента, изобиліемъ фальцета, вездъ художественное начало пасуетъ передъ рисовой тембромъ, дыханіемъ, отдѣльными нотами. Послѣ нѣсколькихъ пьесъ латышскихъ композиторовъ Александровичъ пѣлъ арии изъ «Дубровскаго», изъ «Майской ночи», изъ «Фаворитки», арию Ленскаго, арию Надира... и на всемъ та же печать восточнаго мелоса. Естественно, что исполненіе арии Надира ближе всего подошло къ намѣреніямъ композитора. Во второмъ отдѣленіи — синагогальныя напѣвы и еврейскія пьси.

Здѣсь Александровичъ въ своей сферѣ и уже безудержно даетъ волю своей интерпретации. Прямой, гладкой музыкальной линіи почти нѣтъ —

плотная колоратура со всеми ея фокусами:

возможными фигурами, а для духовной выразительности — рыдания въ горлѣ, надрыбъ. Успѣхъ пѣна послѣ перваго отдѣлѣнія, послѣ синагогальныхъ напѣвовъ сталъ ураганнымъ.

Акомпанировать пѣвцу, не признающему непоколебимости композиторской записи, но г. Абрамсъ съ честью вышелъ изъ тяжелаго испытанія, съ напряженной зоркостью слѣдя за пѣвцомъ и ухитряясь все время быть с нимъ въ контактѣ. **С. АЛМАЗОВЪ.**

ВЕЧЕРЪ ДАМСКАГО КОМИТЕТА ПРИХОДА ВСЕХСВЯТСКОЙ ЦЕРКВИ.

Залъ Русскаго Клуба въ субботу были переполнены многочисленной публикой, посѣтившей вечеръ дамскаго комитета прихода Всехсвятской церкви, который, какъ и всѣ предыдущіе, устраивавшіеся комитетомъ, прошелъ очень оживленно. Вечеръ открылся небольшимъ концертнымъ отдѣленіемъ, въ которомъ съ большимъ успѣхомъ выступили: скрипачка г-жа Л. Покрамовичъ, исполнившая «Индусскую пьсню» и «Менуэтъ», молодая вѣздочка балетной школы при Нап. Оперѣ И. Сирмбардь, съ онымъ протанцовавшая лезгинку, русскій и испанскій танцы, и танцовальная пара Гвѣдовская и Яковлевъ, блеснувшая «Англійскимъ вальсомъ» и «Русской». Хорошо спѣвшійся хоръ церкви подъ управленіемъ В. Глаголева исполнилъ рядъ композицій латвійскихъ и русскіихъ композиторовъ, радуя слушателей не только строгіюстью исполненія, но также и качествомъ голосовъ, среди которыхъ особенно выдѣлялось прекрасное сопрано солистка хора. Всѣ исполнители были награждены заслуженными аплодисментами. Дальнѣйшая часть вечера, въ которой доминирующую роль играли танцы и лотерея, прошла непринужденно и мило, затанувшись, какъ полагається.

Рецензия С. Алмазова на концертъ Михаила Александровича в рижской газетѣ «Сегодня вечеромъ». 2 ноября 1936 г.

мыхъ блистательныхъ мастеровъ итальянскаго бельканто. Прослушавъ Мишу, онъ рекомендовалъ его знаменитому тенору Беньямино Джильи, жившему в Римѣ. В результатѣ Миша оказался среди нѣсколькихъ певцовъ, над которыми шефствовалъ Джильи.

Александровичъ бралъ отпускъ и нѣсколько разъ приезжалъ на две-три недели в Римъ. В эти дни Джильи отдыхалъ отъ своихъ выступленийъ, но со своими учениками занимался ежедневно. Помощь Джильи оказалась неоценимой. Его вокальное мастерство стало для Миши образцомъ на всю жизнь.

В Манчестерѣ Миша скучалъ по дому. Во время отпуска или при иной возможности онъ приезжалъ в Ригу. Здѣсь онъ тоже зарабатывалъ деньги канторскимъ пениемъ. Его отецъ никакъ не могъ избавиться отъ воспоминаній о техъ голодныхъ годахъ, когда у Миши мутировалъ голосъ, и очень слѣдилъ за темъ, чтобы синагогальныя служащіе всегда полностью выплачивали Мишѣ оговоренный гонораръ. В одинъ изъ такихъ приездовъ в июлѣ 1935 г. на Рижскомъ взморьѣ, какъ пишетъ газета «Гайнтъ» («Сегодня»), в пятницу вечеромъ возле синагоги в Майори разразился скандалъ: у собравшихся на молитву прихожанъ отецъ Миши на повышенныхъ тонахъ потребовалъ, чтобы ему тотчасъ же доплатили недостающую сумму. Иначе его сынъ не будетъ вести службу. Отцу объяснили, что большую часть онъ уже получилъ, а недостающую габай Кацъ при врученіи денегъ лично гарантировалъ ему оп-

Каунас. Вид на ул. Куровскую (ныне Ожешкиенес) с куполом хоральной синагоги «Оэль-Яков», в которой служил Михаил Александрович. Фото 1895 г.¹¹

латить в воскресенье. Стыдливо пришел Миша и провел службу, но этот случай попал в газету, поскольку прихожане синагоги были очень возмущены и самым скандалом, и тем, что была поставлена под сомнение гарантия их габая, и «высокой суммой для начинающего певца».

В следующем номере «Гайнт» опубликовала ответ Миши на упомянутую публикацию. В ответе певец написал, что о его умении петь писала не только местная пресса, в том числе газета «Гайнт», но и зарубежная, которая выразила восторг по поводу того, что Миша стал обер-кантором самой большой синагоги в Манчестере. Что же касается гонора, то это была просто перестраховка, так как за выступление в синагоге «Зейлен-шул» (в Риге, на ул. Стабу, 63) ему не заплатили. «И где это писано, что еврейский артист должен выступать даром?» М. Александрович опроверг утверждение газеты, что он пришел стыдливо, и указал, что стыдиться должны те «импресарио», которые так ведут дело, что артист теряет доверие к ним.

В следующем номере газеты был помещен уже ответ М. Александровичу. В нем, в частности, со слов организаторов выступления говорилось, что цены на билеты были установлены слишком высокие и их было трудно распространить. Однако Александровичу обещали, что он не останется в накладе. После молитвы ему заплатили все собранные 68 латов. Таким образом, он вел службу не даром, а в накладе остались организаторы, ибо в воскресенье утром габай Кац вручил отцу Миши недостающую сумму и сказал: «У нас так не поступают».

В Манчестере Александрович проработал три года и уехал, разорвав контракт в результате попыток услышать его «слезы и стенания», т. е. женить. От женитьбы молодого певца спасло приглашение из каунасской хоральной синагоги.

У Александровича уже были опыт, уверенность в себе, и в 1937 г. он заключил контракт на выгодных для себя условиях, т. е. участвовал в синагогальной службе два раза в месяц. Почему так мало? Синагога «Оэль-Яков» была ортодоксальной синагогой, но ее прихожане — еврейская интеллигенция Каунаса — создавали в ней особую атмосферу, не очень строгую. По этому контракту Миша Александрович мог выступать в Каунасской опере, организовывать концерты в синагоге. В своей книге он пишет: «...оставаясь кантором, я смотрел на эту профессию как на компромисс и не переставал мечтать об оперных ариях»¹². Концерты в синагоге служили ему как бы творческой компенсацией. «На свои выступления я приглашал артистов оперного оркестра. ... Я пел арии Ленского, Дубровского, каватину князя из «Русалки», арии из «Искателей жемчуга», «Тоски», «Севильского цирюльник», «Любовного напитка», балладу и песенку герцога из «Риголетто»»¹³.

На богослужения и концерты с участием Александровича продавали билеты. Все жители Каунаса были в восторге, в синагогу было не попасть. Но в Кауна-

се было предместье — Слободка, а в Слободке — очень знаменитая старинная иешива, поставлявшая превосходных раввинов в Литву, Латвию и Белоруссию. Иешива возмутилась, возмутились и синагоги. На синагогу «Оэль-Яков» хотели наложить *херем* (проклятие). Собрали правление синагоги и синод иешивы. Было сказано, что кантор — посредник

между Богом и людьми — ходит бритый, сидит в кафе, перед публикой обнимается с женщинами, на богослужение продает билеты, что кантор превратил синагогу в концертный зал. «Это богохульство!»¹⁴

Положение спас главный раввин Каунаса Авраам Шапиро, всемирно известный талмудист и высокообразованный человек, советник президента Литвы. Он сказал: «...мы прилагали огромные усилия, чтобы сохранить религию. Каков результат? С каждым годом уменьшается число молящихся в синагогах. Зато увеличивается число еврейских магазинов, открытых по субботам. Все больше евреев, которые не соблюдают субботы и праздников и работают в эти священные дни. И вдруг приезжает молодой человек и один за короткий срок умудряется сделать с евреями то, что никому из нас не удавалось. Синагога, которая прежде пустовала, теперь переполнена. Люди снова стали приходить туда, закрывая свои магазины и не работая по субботам. А еврей, пришедший в синагогу и взявший в руки молитвенник, хотя бы благодаря хорошему кантору, молится Богу. Я полагаю, что нам надо не только терпеть Александровича, но и благодарить его...»¹⁵.

Каунас. Хоральная синагога «Оэль-Яков», вид с южной стороны. 2006 г.¹⁶

Каунас. Хоральная синагога «Оэль-Яков», интерьер: святой ковчег. 2009 г.¹⁷

На склоне лет, в 90-е гг., Михаил Александрович узнал о восстановлении синагоги «Оэль-Яков» в Каунасе — той самой, в которой он когда-то служил, и о том, что на стене там помещен его портрет как последнего кантора этой синагоги.

Что же такого сделал Александрович?

Канторское искусство (*хазанут*) зародилось за сто лет до Александровича. Евреи в Российской империи жили тогда в черте оседлости. Канторами были люди без музыкального образования, тогда не было ни радио, ни патефонов и в еврейских местечках никогда не слышали ни концертов, ни тем более опер. В 30-е гг. люди уже слышали исполнителей с хорошей вокальной школой.

Михаил Александрович пишет: «И вот в синагоге, где я пел, евреи впервые услышали кантора, в пении которого они обнаружили синтез традиционного канторского исполнения с профессиональной вокальной школой. Мое исполнение религиозных песнопений отличалось от других не какой-то новой трактовкой, а в основном новой вокальной техникой. <...> Им [слушателям] импонировал сплав знакомых им традиционных напевов с моим итальянским бельканто»¹⁸.

Работая в Каунасе и имея выгодный контракт, который позволял ему бывать в синагоге не каждый день, Михаил Александрович выступал и в Риге. В газете «Унзер ворт» («Наше слово») за 27 января и 17 февраля 1939 г. рецензент Л. Лившин пишет о двух его концертах, что «...его голос становится полнее, сочнее, сердечнее, его лирический тенор получил в верхних регистрах металлические призвуки... *хазонес* более драматизированны. Радостно было слышать народные песни строящейся Страны Израиля, исполнявшиеся на иврите». Но все-таки Александрович больше лирик. Ария Надира из оперы Ж. Бизе «Искатели жемчуга» тоже исполнялась на иврите. Концерты проходили совместно с Израилем Абрамисом (скрипка) и Яковом Абрамисом (фортепиано) и пользовались большим успехом. Наверное, поэтому, несмотря на упомянутый выше скандал в Майорской синагоге, М. Александрович был приглашен вести послеобеденную молитву 5 августа 1939 г., в воскресенье, во вновь отстроенной Майорской синагоге.

Так Александрович отработал в Каунасе до 1940 г. Тогда его пригласила Минская филармония. Это было то, чего он хотел все время, — концерты: он один на один с публикой.

Война, фронтовые бригады, после войны — концерты, звание заслуженного артиста РСФСР, Сталинская премия, но не *хазанут*.

Слышавший пение Михаила Александровича со сцены проф. Борис Рубенчик (Рублов) вспоминает: «Мне повезло трижды восторгаться живым голосом артиста в концертных залах Москвы и Киева. Сначала за рояль усаживалась красивая дородная пианистка — аккомпаниатор; наступала минута тишины, и грохот аплодисментов сопровождал выход небольшого ростом сосредоточенного певца. Его пение поражало музыкальностью, очарованием бархатного голоса, виртуозностью исполнения и безупречной артикуляцией; ...он обладал изысканной русской литературной речью. Многие, как и я коллекционировали его пластинки с записями неаполитанских и других народных песен, романсов, арий из опер для лирического тенора. <...> Петь ему разрешали только по-русски; но нет худа без добра — над его программы работали лучшие советские переводчики. Несмотря на трудности, характерные для многих наиболее одаренных советских артистов, возьму на себя смелость сказать, что советский период оказался для Михаила Александровича наиболее плодотворным. Военные годы принесли молодому артисту начало всенародной любви слушателей. Он обрел и личное счастье, женив-

шись на Рае Левинсон. Позже у них родилась дочь Илона»¹⁹.

В 1945 г. Иерусалим объявил международный день траура. Во всех синагогах мира должно было совершиться поминовение шести миллионов евреев, погибших в Холокосте. Москва была вынуждена тоже разрешить такое богослужение. Компетентные органы хорошо знали, что пел Михаил Александрович до войны, и через синагогу пригласили его провести богослужение. Если нужно советской власти,

то запоешь то, что надо. Московская синагога вмещала полторы тысячи человек, пришло же 20 тыс. И хотя пять лет Александрович не пел духовный репертуар, но кантор он был великий, и когда начал петь «*Эль мале рахамим*» («Владыка всемиростивый»), то у людей начались обмороки.

После этого богослужения правление синагоги обратилось в ЦК КПСС, в отдел по делам религий, с просьбой разрешить Александровичу выступить в Рош-Гашана и Йом-Кипур. В 1945 и 1946 гг. разрешения были получены, а в 1947 г. Александровичу сказали, что ему, заслуженному артисту, нецелесообразно петь в синагоге (т. е. «инстанциям») это уже было не нужно).

В период хрущевской «оттепели», как утверждают старики из синагоги, М. Александрович, хотя и очень редко, вел молитву в синагоге на ул. Пейтавас в Риге, а не только давал концерты во Дворце культуры завода «ВЭФ».

В октябре 1971 г. Михаил Александрович со всем своим кланом (братья с их семьями) уехал в Израиль. Летом 1972 г. в культурном центре в Тель-Авиве выступление мало кому известного там певца Александровича на Всемирном фестивале мастеров канторского искусства произвело эффект взрыва. Слезы на глазах слушателей, поздравления — все это превратило Александровича в канторскую звезду первой величины. Однако в Израиле, где он служил кантором в Рамат-Гане, Александрович не задержался. Эта маленькая страна не могла предложить ему достаточно активной концертной деятельности, к которой так стремилась душа большого артиста.

В одном из своих радиоинтервью Александрович признал, что лучшими в его сценической карьере были годы жизни в Советском Союзе, где его концертной площадкой были необъятные просторы этой великой страны от Калининграда до Владивостока.

М. Александрович гастролировал и в Нью-Йорке, Торонто, Рио-де-Жанейро, Сиднее, Буэнос-Айресе, где не только пел песни, но и выступал в синагогах. Он ду-

Фестиваль им. Михаила Александровича в Риге. Кантор рижской синагоги Зеев Шульман с племянницами певица Риной и Стеллой (дочерьми его младшего брата Менделя Александровича). На сцене — хор «Шофар» под управлением Иосифа Цисера. Дом Рижской еврейской общины, 23 сентября 2007 г.

мал, что в Америке его не знают, однако ошибался. Оказалось, что Советский Союз экспортировал туда пластинки с записями певца, и его имя было хорошо известно за океаном. Александрович выпустил семь долгоиграющих пластинок, куда вошли сложнейших псалмы и гимны из его канторского репертуара. Александрович получил престижную и высокооплачиваемую должность кантора в Голливуде. Только в первые несколько лет жизни в США он дал свыше двухсот концертов. Когда в 1979 г. в Нью-Йорке он проводил мастер-класс для нью-йоркских канторов, те устроили ему овацию стоя, провозгласив на иврите: «Да здравствует король!»

В 1986 г. Александрович переехал к дочери в Мюнхен. Он приезжал в бывший Советский Союз после 1989 г. три раза. Но вряд ли на стадионе в Одессе в присутствии 25 тыс. человек он пел что-то религиозное.

Умер Михаил Александрович в Мюнхене 3 июля 2002 г. Главный раввин Мюнхена на его похоронах сказал: «Мы все — люди грешные. Наверное, немало грехов и у покойного. Но когда он предстанет перед судом Всевышнего, ему достаточно будет спеть несколько фраз, и все его грехи будут отпущены».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Александрович М. Я помню... М., 1992. С. 24.

² См. прим. 11 на с. 159.

³ См. прим. 8 на с. 159.

⁴ Реа (Ребекка) Ратнер (1901—1941) — певица, пианистка, преподаватель музыки. Окончила Петербургскую консерваторию. — *Ред.*

⁵ Гершон Мовшович (псевд. М. Герц) (1892—1958) — журналист. До Второй мировой войны работал в рижских газетах «*Дер ройтер эмес*» («Красная правда»), «*Дос фолк*» («Народ»), «*Фриморген*» («Утренняя») и др.; писал юморески, фельетоны, произведения для детей. Автор двух книг — по истории еврейской печати в Латвии и мемуарного характера. В период нацистской оккупации Латвии находился в советском тылу, где работал в печати; после войны возвратился в Ригу и активно собирал материалы о Катастрофе латвийского еврейства, намереваясь написать об этом книгу (получилась серия очерков). В 1950 г. был арестован советскими органами госбезопасности по так называемому делу Еврейского антифашистского комитета, после реабилитации в 1956 г. возвратился в Ригу. — *Ред.*

⁶ Хозяйчик — на идише *балебесл*, от др.-евр. *баал* — обладающий, владеющий, в данном случае — мастерством. — *Ред.*

⁷ Житловская Мара — певица (драматическое сопрано). Играла в Рижском еврейском театре, пела в Латвийской национальной опере. — *Ред.*

⁸ Подробнее о нем см. в ст. М. Михайлец, опубликованной в настоящем сборнике.

⁹ Подробнее о нем см. там же.

¹⁰ Александрович М. Указ. соч. С. 90.

¹¹ Фото из кн.: Synagogues in Lithuania: A catalogue: A—M / Ed. A. Cohen-Mushlin, S. Kravtsov, V. Levin, etc. Vilnius, [в подг. к изд.].

¹² Александрович М. Указ. соч. С. 96.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 97.

¹⁵ Там же. С. 97—98.

¹⁶ Фото из кн.: Synagogues in Lithuania.

¹⁷ Фото из кн.: Там же.

¹⁸ Александрович М. Указ. соч. С. 99.

¹⁹ Рублов Б. Великий еврейский певец двадцатого века: (К 95-летию Михаила Александровича) // Заметки по еврейской истории. 2009. № 18 (121) (<http://berkovich-zametki.com/2009/Zametki/Nomer18/Rubenchik1.php>).